

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ЕНИСЕЙ

(Повесть в новеллах)

Людмиле Локшиной

Ее родина — Сибирь...

МАЛИНА

Люди и книги. Что такое странность. Чудинка — это самобытность. Кошка поет серенаду. Гнев дежурной. Кто такой Малина. Рассказ Малины. Рассуждения о разном, но достаточно короткие. Я улетаю в Дивногорск.

Пожалуй, одно из самых интересных занятий — это поиски удивительных, чудных людей. Когда находишь их, становишься богаче, мудрее, чем до встречи с ними...

Вот почему думается, что каждого человека в нашем мире, границы которого беспредельны, можно сравнить с книгой. Но человека невозможно «прочитать» до конца: слишком велико в нем содержание. Вместе с тем следует заметить, что люди, как и книги, бывают разные: умные, глупые, душевные, сухие, интересные, скучные, полезные и бесполезные... И, подобно книгам, не каждого человека «читать» интересно.

Но как же, скажите, как выбрать несколько самых любопытных книг в библиотеке, в которой более 220 миллионов томов? Право, это нелегко. Я часто думаю над этим и всегда вспоминаю, как впервые в своей жизни сам выбрал книгу в библиотеке. До этого я читал то, что рекомендовали учителя, родные, библиотекари. И вот настал день, когда я сам выбрал книгу. Я тогда пришел и сказал в библиотеке: «Я сам. Ладно, я сам?». Никто не возражал. И вот передо мною выросла груда книг, толстых, тонких. Всякие были среди них. Мое беспокойство росло с каждой минутой. Однако я скоро

сумел справиться с ним и начал сам, понимаете, сам выбирать книгу. Я листал страницы, разглядывал иллюстрации и не мог остановить свой выбор. Лишь через час я протянул библиотекарше тоненькую неказистую книжечку. Автор ее мне был незнаком. Экзюпери, «Маленький принц».

— Запишите эту.

— Неплохо, — сказала библиотекарша. — Ты выбрал отличную книгу. Но чем же она тебе понравилась?

Я подумал и ответил так:

— А тут есть странная фраза. Смотрите, в книжке написано: «Если все время идти прямо, то далеко не уйдешь». Почему не уйдешь? Я хочу узнать, почему?..

Вот почему я с тех пор стараюсь читать лишь «странные» книжки, книжки, в которых есть парадоксы, своя чудинка, что-то необычное, и, как правило, это всегда интересные, нужные и милые уму и сердцу книжки.

Но и люди, повторяю, подобно книгам, бывают с чудинкой, в чем-то парадоксальные и странные. Это, убежден, самые интересные люди.

Я глубоко убежден, что чудинка, кто бы ни был ее владельцем, очевидно, своеобразный признак богатства содержания. Странность — она же и чудинка — как бы сигнализирует: «Не проходи мимо! Познакомься с тем, что таится за мною, не пожалеешь!».

Может быть, странность в человеке — это и его слабость, смешная сторона. Не знаю. Только это, наверное, глубоко присуще людям.

Странность очень человеческое качество глубины и беспредельности. Она

не только хватает людей, порой бесцеремонно, за руку и тащит за собой в «свои» владения, но и сближает судьбы и характеры, самих же людей.

Разве не становится ближе и роднее как человек Пушкин, когда мы узнаем его странное, на первый взгляд, юношеское «бахвальство»: «Я великим быть желаю...» Или то, что Лермонтов был бешено самолюбив и несносен в обществе. Или «странная прихоть» Толстого, ставшего на старости лет за плуг...

Глубоко человеческое чувство — ирония — открылось мне в характере Суворова, когда я узнал не о его великопепных победах, а о том, что он... кукарекал и хлопал, как крыльями, руками по своим бедрам.

Человека прежде всего я видел в своем отце, когда он вдохновенно, с великой страстью, красил все, что можно красить: железный болт, ключ, рамы, рукомыники и ведра, а потом, расхаживая с кистью, умильно спрашивал мою мать: «Мамулечка, я, пожалуй, выкрашу и твои туфли, не возражаешь? Красным. Такой приятный цвет...»

Странность — это индивидуальное качество. Быть может, именно она есть то небольшое и самое заметное, что разнит нас, придает нам колорит и даже экзотичность.

Я люблю яркие и безобидные странности в человеке, потому что, повторяю, за ними кроется самобытность человека. И вот почему я сразу подружился с Малиной, а потом, по его совету, поехал к его друзьям на Енисей и теперь вот пишу об этом.

...Картины недавнего прошлого проплывают у меня перед глазами, и снова на моем лице удивление и напряженное ожидание. Я снова вижу: коридор гостиницы «Золотой колос», бегущая к номеру, где я живу, дежурная по этажу; я слышу: раздирающее уши мяуканье там, в номере, и крик дежурной, подбежавшей к двери: «Кто мучает кошку?».

Бедная киска замолкает лишь на миг и затем так, словно перед этим не резали, а ласкали, начинает петь свою мурлыкающую серенаду, полную нежности и блаженства...

А дежурная барабанит в дверь.

— Откройте!

И дверь отворяет худощавый, остроносый и немного бледный парень моего возраста. Это он, Малина.

И до этого я много раз видел Малину. Видел, но не разговаривал с ним. А чего разговаривать? Разные люди приезжают в Москву, по разным делам приезжают. Они живут в гостиницах, быстро знакомятся и так же быстро забывают друг друга, когда расстаются, в сущности, навсегда. Разве это не так? Ас Малиной я даже не познакомился. Мы с ним жили в разном ритме: он спешил уходить куда-то утром, а я уходил к обеду. Он возвращался из неведомых мне мест рано вечером, а я — поздно ночью. И если он, перед тем как лечь в постель, подолгу сидел над тетрадками и морщил в напряжении лоб, то я просто падал на кровать и сразу засыпал.

Но в тот день было воскресенье, немного морозное, искристое от обилия солнца, которое рассыпалось в сугробах из синих снежных звезд. Да, было воскресенье...

Я ушел завтракать, а он сделал это раньше. Я вернулся в гостиницу и шел длинным и оттого унылым коридором, когда услышал мяуканье кошки, которую дергали за хвост.

...Дверь открыл Малина. Но в номере на четыре человека больше никого не было. Даже кошки. Один Малина стоял на пороге и с улыбкой смотрел на дежурную.

— Это у вас кошка? — быстро спросила - дежурная.

— Нет,— отвечал он.— Какая кошка?

— Неужели,— сказала дежурная, оглядев комнату в поисках кошки.— Значит, в соседнем. Вы слышали?

— Нет!

— Да? А я слышала хорошо. Впрочем, вот и товарищ... — она обернулась ко мне.

— Кошку дергали за хвост, — ответил я.

— Ей больно,— сказала дежурная.— Какое варварство мучать

бедное животное! Неужели в соседнем? Но там живут такие солидные люди!

Дежурная ушла. Я закрыл дверь и тут увидел, что Малина задыхается от смеха.

Он гордо сказал:

— Я гидростроитель. Это надо понимать... А ты кто?..

Его жизнь полна приключений и превратностей. Он прожил на свете 28 лет, но каких лет!

Он построил:

Волжскую ГЭС,

Куйбышевскую ГЭС,

Воткинскую ГЭС.

И сейчас строит Братскую.

Из неумелого паренька, который не знал, как держать в руках гаечный ключ, Малина стал первоклассным слесарем-монтажником, человеком с беспокойной судьбой гидростроителя.

Он ни разу не пожалел, что в один прекрасный день пришел на огромную стройку на Волге.

Виктор Суровцев, известный на ГЭСах Волги, Енисея, Ангары как Малина, всегда смешлив и жизнерадостен. Его чувство юмора и оптимизм ни разу не давали трещины, но, наоборот, укреплялись. Очевидно, именно это позволило ему завоевать прочное уважение своих товарищей, перенести многие трудности.

Он жил в палатках, пока не были готовы целые города на берегах величайших рек Европы; дружил с отличными парнями, потому что с ним работали только отличные парни; влюблялся, когда наступала весна, а рядом было столько красивых девушек; ходил на огромные митинги, когда кончалось строительство ГЭС; проклинал мошку до тех пор, пока не осушили болота около Братска; давал интервью корреспондентам, потому что возглавлял передовые бригады; перевыполнял нормы, так как это в конце концов стало для него делом привычным; учился, потому что всегда чувствовал в этом постоянную необходимость и т. п. и т. д.

Да, ему бывало трудно. И очень. И он не скрывал этого. О трудностях он

говорил так, словно они, эти трудности, для того и существуют в жизни, чтобы их преодолевать, если ты настоящий человек, а не слюнтяй.

Малина стал превосходным гидростроителем. И сюда, в Москву, Малина... Впрочем, Виктор Суровцев с Братской ГЭС приехал на учебу, на курсы мастеров-монтажников.

Я слушал рассказы Виктора с неослабевающим вниманием. Иногда мне становилось обидно, что он видел в своей жизни то, что я не видел. Однажды я сказал ему об этом. Он хлопнул меня по плечу и воскликнул.

— А ты поезжай в Сибирь! Куда хочешь. Хочешь, к нам в Братск, хочешь, на Енисей. Лучше на Енисей, его скоро перекрывать будут. Поезжай туда. В Дивногорске у меня полно дружков. Я напишу им письмо, и они тебя встретят, как надо. И ты увидишь много интересного...

И Виктор, не откладывая дела в долгий ящик, сочинил Ане и Володе Водяновым, братьям Омшиним любопытнейшее письмо такого содержания:

«Ребята, пишет вам Малина. Не забыли? А едет к вам Вадим. Заехал бы и я, да не могу. Скучают руки по работе. Полечу из Москвы прямо в Братск. Но мы еще встретимся, свидимся. А Вадима вы встретьте по-нашему, так, как будто он — это я. И покажите ему все. Пусть узнает про жизнь нашу малиновую. Ладно? Я очень прошу. Только водку он не пьет, все больше — вино. Но так он, видно, парень хороший, не из ханыг...»

Через два дня я с этим рекомендательным письмом улетел в Красноярск. Малина провожал меня...

МАЛЬЧИКИ, ПРЫГАЮЩИЕ ЧЕРЕЗ ЕНИСЕЙ

Какие бывают мальчики. Встреча на дне реки. Настоящий ли я писатель? Вопросы мальчика. Ученые или герои. Проран и проранчик. Выдумка маленьких мудрецов из удивительного города.

В своей жизни, хотя она не так и велика, я встречался с разными

мальчиками. Мне попадались всякие: и умные и глупые, и отважные и трусливые, и хорошие и плохие. И, пожалуй, про меня можно сказать: «Он знает мальчишек». Если это так, то, пожалуйста, поверьте мне, самые удивительные мальчики живут на берегу огромной сибирской реки, в городе...

Впрочем, не лучше ли просто рассказать о них. И тогда все убедятся, что я прав.

Я встретился с ними за два дня до перекрытия, на том месте, которого теперь не существует. Оно — под водой, оно стало дном реки, потому что так хотели сильные и мужественные люди — гидростроители.

В те времена это место называлось котлованом Красноярской ГЭС на реке Енисее.

Перед самым перекрытием Енисея котлован готовили к затоплению. Из котлована вывозили технику, дома, различные агрегаты и тщательно очищали его дно. Сотня людей были заняты этим важным делом. Сюда на помощь строителям пришли и служащие Дивногорска, и ученики старших классов, и даже старей-престарый дед Аким из Шумихи. Тот самый дед, у которого всегда клюют жирные налимы и который знает сердитый нрав Енисея лучше, чем характер своей бабки...

Тогда было холодно, горели костры, гудели трудолюбивые самосвалы и сильные бульдозеры, звенел металл, перекликались между собой люди. И эхо катилось по Дивным горам, когда бухали взрывы на льду за перемышкой.

И вдруг я увидел двух маленьких мальчиков в пионерских галстуках. Они тащили обломки досок к костру. Они прошли мимо меня, и один из них сказал:

—Здравствуй, дядя!

Я удивился, откуда он меня знает? И я спросил:

—Откуда ты, мальчик, знаешь меня?

Он решил отдохнуть, потому что устал, положил доску на землю и сказал:

— Дядя Володя рассказывал про тебя моему папке. Ты знаешь электросварщика дядю Володю? Его фамилия Водянов.

— Знаю.

Он удовлетворенно покачал головой, поправил на груди алый галстук и спросил:

— Дядя, а ты настоящий писатель?

Этот мальчик, которому было девять или десять лет, пытливо смотрел на меня, щурил синие, как небо, глаза, и я не мог ему соврать.

— Еще нет,— сказал я,— но я хочу им быть. Понимаешь, это не так просто!

Он молча отвел взгляд, вздохнул.

— А я думал у тебя спросить кое-что. Ведь писатели знают все.

— Конечно. А что ты хотел спросить?

— У меня есть такие вопросы! Такие вопросы! Даже учительница не может ответить. Никто не может...

— Ты не стесняйся, — заметил я тоном взрослого,— я, пожалуй, отвечу.

— Но ведь ты еще не писатель!

Я немного подумал и сказал:

— Это так, но я много учился, пятнадцать лет! Я учился больше, чем ты прожил на свете.

Мальчик снисходительно улыбнулся. На него, кажется, не произвело впечатление то, что я учился целых пятнадцать лет! Но он решил уступить мне. И я услышал от него:

— Ладно. Скажи, а почему дважды два — четыре? Знаешь?

И он со вздохом сказал:

— Ну, вот. И учительница не знает.

— А кто первый произошел, мужчина или женщина? Бабушка говорит: «Адам»...

Я обрадовался, когда он сказал: «Адам», и поспешил прервать его:

— Адама, видишь ли, не было. Это сказка. Ее выдумали попы...

Его взгляд был по-прежнему полон вежливой снисходительности.

— Я знаю, что Адама выдумали, но ведь человека не выдумали. Он произошел от обезьяны. Но кто первый, мужчина или женщина? И вот еще. Почему не все обезьяны стали людьми?

— ?!

Он сказал:

— И учительница не может

ответить!

Я смотрел на этого маленького мыслителя, который родился на берегах Енисея, и мне стало стыдно, что я не знаю ответов на его вопросы. Может, потому, что я никогда в своей жизни не задумывался, почему дважды два — четыре. И я сказал десятилетнему мудрецу:

— Ты, наверное, будешь ученым.

Я захотел быть хотя бы пророком, предвидеть его будущее, но из этого ничего не вышло. Мальчик уверенно сказал:

— Я не буду ученым!

— А кем же ты будешь?

— Героем.

Потом он показал на своего товарища, который тем временем уже подошел к нам и с интересом наблюдал поражение одного из взрослых, и добавил:

— И Витька будет героем.

Я вспомнил, что я, в конце концов, взрослый и недаром учился пятнадцать лет, и с торжеством сказал:

— А героем стать нелегко. Уж это я знаю!

Он согласился со мною, но заметил:

— Но это, если не знаешь, как стать героем.

— А ты знаешь?

— Знаю.

И он деловито сказал:

— Для того, чтобы стать героем, нужно перепрыгнуть Енисей.

— Но Енисей широкий...

Мальчик улыбнулся.

— Был широкий. А теперь посмотри на проран: совсем узкий стал. И скоро его начнут перекрывать. Останется малюсенький проранчик, просто ручей. Тот, кто перепрыгнет его первым, станет героем. Это мы с Витькой придумали.

И я, окончательно побежденный, сказал:

— Неужели вы придумали?

А потом я посмотрел на котлован и на людей, которые трудились в нем. Я посмотрел на горы и на проран, сквозь который мчался могучий Енисей, и подумал:

«Удивительная стройка, удивительный город выстроили здесь — Дивногорск. И удивительные мальчики

живут в нем. Они еще не знают даже таблицы умножения, но хорошо знают, как стать героями»...

СЛОВО, КОТОРОЕ УМИРАЕТ

Немного филологии. Кто такой ханыга. Авария. Опасная гонка. Гнев и подвиг гидростроителей. Возвращение по льду. Заметка в газете. Письмо из парткома.

Не открывайте скучные словари, не листайте толстые книги, не спрашивайте трудолюбивых лингвистов, чтобы узнать значение слова «ханыга». Оно не имеет гражданских прав и пока живет без прописки авторитетнейших филологов на берегах Енисея. Там им обозначают... Впрочем, я не буду спешить, потому что взялся писать новеллу о том, как на Красноярской ГЭС замер огромный скалоуборочный снаряд и что из этого вышло.

Итак, случилось ЧП в канун перекрытия. Но в чрезвычайных, в неприятных происшествиях есть своя добрая сторона. Они часто бывают лакмусовой бумагой, и, может, поэтому в народе говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». И в этой истории, начавшейся с того, что замер скалоуборочный снаряд, очень четко проявились характеры людей, то, чего они стоят, и в результате родился подвиг, электроремонтников Рюрика Маркичева, Александра Голдырева, Александра Токмакова, Виктора Анциферова и многих других и было разоблачено, наказано равнодушие заместителя директора телевизионного завода города Красноярска А. В. Калинина...

Словом, все началось с того, что рано утром дернулся и застыл плавающий экскаватор, расчищавший русло Енисея у низовой перемычки. Его огромный ковш уныло повис над водой, и замерла работа. А до перекрытия оставались считанные дни, а точнее — десять дней, срок невероятно маленький, если учесть, что все было расписано по минутам и совершенно не предполагалась и минимальная остановка

экскаватора в это напряженнейшее время.

Неизвестно откуда появился главный механик Яков Васильевич Баранов. Прикрыв ладонью воспаленные от недосыпаний глаза, он посмотрел на серебристые в лучах прожекторов тросы, на которых повис безжизненный ковш, и крикнул:

— Ну что там, ребята?

Вся команда экскаватора искала причину аварии. И она была найдена за несколько минут.

— Яков Васильевич, подъемный генератор...

Да, из строя вышел подъемный генератор. И, чтобы починить его, нужен был провод, который отсутствовал даже на складах Центрального ремонтно-механического завода огромной стройки Красноярской ГЭС.

Главный энергетик Оверченко сказал:

— Надо ехать в Красноярск. Там, быть может, найдем. В совнархозе помогут...

Машина в Красноярск пошла той же ночью. В ней сидели и сам Баранов, и Оверченко, и другие гидростроители.

Это была опасная гонка по серпантину дороги Дивногорск— Красноярск. Дорога взлетала вверх и падала, и кружила в свете фар, и рвалась через тайгу, а потом бежала берегом застывшего, скованного морозом Енисея. Утром гонцы были в совнархозе. Им сказали:

- Нужно сто сорок килограммов дефицитного провода? Будет! Возьмите на заводе телевизоров.

Гидростроители без промедления получили: все необходимые бумаги и поехали на завод телевизоров.

И вот они там. Чтобы получить провод со складов, нужен пустяк — роспись на документе. Роспись не ахти какого высокого начальника. Роспись А. В. Калинина.

Гонцы стройки находят Калинина на дворе завода, протягивают ему авторучку, документ.

— Подпишите, пожалуйста!

Калинин с любопытством смотрит

на уставших гонцов, на бумагу, на авторучку и затем на часы. Они, неслышно тикающие, с противоударным механизмом,— неумолимые счетчики драгоценных секунд и минут. Часы показывают пять минут первого по местному красноярскому времени.

Калинин спокоен и нетороплив. Он стучит пальцами по стеклу часов, буднично и вместе с тем с затаенным упреком говорит:

— У меня обеденный перерыв, товарищи. Вот так...

Он, строгий и подтянутый, уходит от посуровевших гидростроителей и, наверное, не слышит их слов, что он...

— Ханыга!

...В каждом языке мира существует множество слов. Они — носители мысли — внешне представляют собой переплетение немногих звуков. И я убежденно говорю, что очень трудно найти иное переплетение пяти звуков, несущих в себе такой смысл, иронию и столько же эмоциональной окраски, как слово ханыга. Оно, как плевок, как пощечина, справедливое и гневное. И потом, это обреченное на смерть слово. У него нет будущего...

Знает ли об этом Калинин? Наверное. Он ведь живет в Сибири, где и родилось это слово. Однако он ушел, провожаемый взглядами гидростроителей, и не обернулся.

...Провод гидростроители получили лишь после обеда, а потом снова гнали машину к Дивногорску. И, чтобы сократить путь, гнали машину с риском для жизни по льду Енисея.

Сутки не спали молодые рабочие Маркичев, Голдырев, Токмаков. Двое суток не сдали Анциферов и Козлов. Но провод на двенадцати катушках генератора был заменен и сам генератор был собран и установлен. Экскаватор ожил, начал работать.

Мне неизвестно, кто из гидростроителей на следующий день пришел в редакцию многотиражки «Огни Енисея» и рассказал о подвиге своих товарищей, о том, что Калинин — ханыга. Но это, наверное, не столь важно. Важно то, что об этом узнала из газеты вся

стройка.

А еще через сутки в редакцию газеты пришло письмо с завода телевизоров. Лаконичные строки за подписью секретаря парткома сообщали, что Калинин освобожден от занимаемой должности и ему вынесен выговор. Человека наказали... впрочем, ханыгу в нем наказали, а не человека...

СТИХИ НА ПАРУСАХ

В гостях у Водяновых. Разговоры гидростроителей. Появление Ивана Омшина. Торжество. Просьба Ивана Омшина. Легко ли выбрать человеку имя? Кем будет Володя Омшин? Взгляд в будущее. Стихи на парусах каравеллы. Звездные мечты.

Хиус, злой енисейский ветер, подул за несколько дней до перекрытия. Это почти штормовой ветер, который всегда мчится вдоль Енисея, по речной долине, закрытой с двух сторон торами. В Дивногорске иных сильных ветров в сущности не бывает.

Хиус принес мне легкую простуду. Я — южанин и не вынес резкого похолодания. И пришлось мне целый день сидеть в вагоне, не высовывая носа. Но под вечер я не выдержал и, чувствуя себя несколько бодрее, решил отправиться в гости к гидростроителям — в общежитие, узнать, что нового на стройке, как идет подготовка к перекрытию.

Я пошел по бетонной дороге, скользя на льду многих луж. И было очень темно. А мимо меня с ревом проносились пятитонные самосвалы и «четвертаки». «Четвертаками» гидростроители называют двадцатипятитонные машины. Они величиной чуть ли не с паровоз, а колеса у них в рост человека...

Я шел навстречу ветру, скоро озяб. И лишь когда я свернул к оврагу, пошел оврагом вверх, к улице Центральной, где живут в общежитии мои друзья Водянов, Омшин, Бабин и другие строители Красноярской ГЭС, мне стало чуточку теплее. Я рассчитывал застать ребят дома. Но они, конечно, могут задержаться на

работе. Ведь на стройке — напряженная пора. Приближается день перекрытия Енисея, Вот почему здесь отработанных часов никто не считает. Надо — и работают, работают при свете мощных прожекторов, на холоде, на ветру. И редко кто жалуется на усталость...

Мои опасения оказались напрасными. Ребята сидели в тесной комнатухе Водяновых и оживленно беседовали. И, конечно, о делах стройки.

Жители Дивногорска в некотором смысле удивительные люди. Для них — свет в окне все то, что касается ГЭС. Где-то люди спорили о Солженицыне, плавали в стихах Вознесенского, доказывали друг другу преимущества короткой фразы перед длинной. А здесь все разговоры обычно сосредоточивались вокруг пятидесятиметрового прорана, через который каждую секунду прорывались с глухим рокотом 600 кубометров черно-голубой енисейской воды. В те дни даже дети рисовали на листах бумаги схемы различных сооружений ГЭС и дополняли друг друга сведениями о том, как будет идти штурм сибирского гиганта...

Вот почему меня прямо на пороге, не успев поприветствовать, спросили:

— Хиус не перестал?
— Нет.

— Собака! — зло сказал Виктор Бабин, шофер пятитонного самосвала. Из-за фамилии Виктора на стройке звали Старухой.

— Проклятие! — сказал кто-то из ребят, — но, уверяю вас, завтра хиус помрет. А если что, и хиус не помешает нам перекрыть Енисей в срок.

Все вздохнули, посмотрели в темное окно, за которым мчался вдоль реки зловредный хиус. И уже после этого спохватилась Аня Водянова и предложила мне сесть на кровать или на пол. В общем туда, где мне удобнее. Я сел на кровать, рядом с Бабиным. А место на полу осталось свободным. И снова пошел прерванный моим приходом разговор гидростроителей о своих делах. Тут, конечно, вспомнили и Волжскую ГЭС, и Воткинскую тоже, потому что они строили их. Они сравнили их с Красноярской ГЭС, снова подивились делу рук своих; качали головами и

восхищенно говорили:

— Силен, старик, силен! Это не Волга и не Ангара...

А я сидел молча и слушал.

Конечно, Енисей могуч, велик! На него глянешь и невольно думаешь: «Человек перед тобой муравей. Покорит ли он тебя, старика непокорного?»

Мои мысли прервал стук в дверь.

— Эге,— сказал Водянов,— кого-то несет. Да заходи, дружище!

Дверь открылась, и на пороге остановился высокий светловолосый парень, немного бледный, с растерянной улыбкой на губах. Это был Иван, младший из братьев Омшиных, которых можно назвать заядлыми гидростроителями. Эти парни, - а старшему из них, Михаилу,— тридцать шесть — «плевать хотели» на любые другие человеческие профессии. «Гидростроитель, Вадим, это да! Остальное...»

Во все времена были люди, воздвигавшие циклопические для своей эпохи сооружения: пирамиду Хеопса, Великую Китайскую стену или Баальбекскую террасу. Но никогда это не давало им того чувства профессиональной гордости, которое так сильно развито у простых гидростроителей, живущих в Дивногорске.

— На котловане был?— спросили Ивана.

Младший Омшин помахал рукой, и странная гримаса внутренней боли или, быть может, радости, которую трудно сдержать, пробежала по его бледному лицу.

— Парни, — выдохнул он, — парни... а ведь три шестьсот!

Вначале никто ничего не понял. Но сообразительнее всех оказался Водянов. Он схватил тяжелую руку Ивана, начал трясти.

— Поздравляю! Три шестьсот — отличный вес...

А Иван вырвался и убежал так же быстро, как и появился. Все шумно радовались, что младший Омшин стал отцом. Я спросил у Ани:

— А когда у вас?

— Не скоро, наверное. Когда закончим эту ГЭС, переберемся на

Астраханскую...

В это время снова появился немного ошалелый Иван Омшин.

— Мальчик,— сказал он и как бы загреб воздух рукой, а вместе с ним и нас.— Мальчик... айда, парни, все ко мне. Ведь по стопарю надо, а?

— Точно, — восхитился Водянов.— По такому случаю не грех.

И вот мы в комнате, где живет все племя Омшиных — гидростроителей, пьем водку и сообща обсуждаем, как назвать сына Омшина. Это по просьбе счастливого отца.

Выбрать имя новому человеку очень нелегко. Уверяю вас! Почему-то все имена в такой момент вдруг как бы вспыхивают, начинают сиять. Их перебираешь, как золотые монеты, которых слишком много, и не знаешь, какой из них отдать предпочтение. Так вот добрый десяток молодых гидростроителей придирчиво перебирали целые россыпи сияющих имен и, выхватывая полюбившиеся, орали:

— Коля!

— Нет, Юра!

— Братцы, лучше — Леонид!

Отец, отбиваясь от града имен, защищался по-своему:

— Парни, почему Коля, почему Юра... Скажите, чем лучше других имя Леонид?

Его «почему» и «чем лучше» в конечном счете явились потоком воды, охладившей пожар страстей. Гидростроители встали в тупик, начали чесать затылки и попытались вернуться к поискам имени после новой выпивки. Но против этого восстал отец и его энергично поддержал Водянов — извечный авторитет во всем и для всех.

Водянов сказал:

— Парни, мы все не какие-то ханыги или там черт-те что. Мы — гидростроители! Я слушал вас и удивлялся. Порядка нет, соображения нет...

Короче говоря, мысль Водянова сводилась к тому, что сын гидростроителя должен пойти по стопам отца и тоже стать гидростроителем, то есть человеком необычайной профессии. И, следовательно,

имя его должно быть соответствующим, необычным, достойным его большого труда, которым он, без сомнения, займется, когда вырастет.

— Ура!— воскликнул Миша, старший из племени Омшиных.— Пусть будет Юра! В честь Гагарина.

Его поддержали.

— Юра, Юра!.. Но Иван сказал:

— Нет, Юрий уже был...

— Как был? А что предлагаешь?

Иван долго молчал и даже шевелил губами. Я чувствовал, что в его голове шла напряженная работа. Мысль человека, отца затрепетала, закипела, как море в шторм, и помчалась по неведомым нам далям в поисках лучшего имени сыну гидростроителя и, наконец, возвратилась с добычей:

— Володя!

Младший Омшин торжествующим взглядом обвел своих товарищей, а я подумал: «Лучшее имя из тысячи имен выбрал ты, Иван, для своего первенца».

А потом в тишине раздался голос Водянова:

— Кто за Володю, поднять руки!

Лес рук поднялся над головами. Выше всех сжатая в кулак была рука Ивана. После этого мы снова поздравляли отца и дарили малышу подарки. Но подарки были не у всех. Некоторые забыли, что у Ивана скоро жена родит, и ничего не купили. А вот мне случайно повезло. У меня в кармане была игрушечная каравелла с индейцем на борту и с подвижным парусом. Такие кораблики пускали в проране те, кому поручено на великой стройке следить за уровнем воды на Енисее. Я восхитился этими маленькими корабликами, узнал, где их продают, и купил.

Вот эту каравеллу я и отдал Ивану с такими словами:

— Твоему сыну. Будет плавать, когда вырастет.

— Да нет,— покачал головой Иван,— плавать ему будет некогда. Володя работать будет.

Михаил Омшин, который все время усиливал свою радость по случаю появления племянника самым древним

способом, о чем свидетельствовала пустая бутылка на столе, вмешался в разговор:

— Через двадцать лет твоему Володьке ничего не останется, ни одной порядочной реки. На всех реках сами успеем настроить ГЭСов. И водку всю выпьем, если будем действовать, как я.

Он махнул рукой в сторону бутылки, прикрыл веками затуманившиеся глаза и пошатнулся. Выпил ведь парень.

— Ложись спать, Миша,— сказал ему Водянов.

Старший Омшин послушался, лег на кровать и тотчас захрапел. Водянов, глянув на него, вздохнул:

— Золотой гидростроитель, а вот кабы не это, гремел бы Миша на весь Союз. Как Назимко, как Попов...

А Ивану он сказал:

— ГЭСы твоему Володьке не придется, пожалуй, строить. Миша прав. Мы все реки перепрудим!

Иван улыбнулся, начал уверять:

— Ничего, космонавтом будет! Не веришь? Тогда зачем я строю ГЭСы? Согласен? Тогда давай лапу.

Друзья крепко пожимали друг другу руки. А потом раскрасневшийся Водянов схватил гитару и запел: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...» Начал петь и слесарь-монтажник Володя Шаляпин, но, к сожалению, он не Федор Шаляпин...

Потом Володя Шаляпин и его друзья попросили, чтобы я, как человек более близкий к поэзии, чем все они, помог им сочинить стихотворное пожелание сыну Омшина.

В результате коллективных усилий и родились те строки, которые мы написали тушью на белых парусах каравеллы.

Пусть Владимир —

сын

Ивана —

Станет

звездным

капитаном!

После этого крикнули «Ура!». Все были убеждены в том, что доброе пожелание маленькому, только что явившемуся в этот мир, человеку

обязательно сбудется!

Когда я возвращался к себе, был уже поздний вечер. Хиус перестал дуть, и потеплело заметно. В темной бездне неба сверкали крупные голубые звезды. И среди них, конечно, те, к которым обязательно полетит Владимир Иванович Омшин, родившийся в семье гидростроителя за несколько дней до перекрытия Енисея. Я с удовольствием смотрел на звезды и мечтал. Очень хорошо мечтал!

СТАВРОПОЛЬСКИЙ СИБИРЯК

«Персональный «МАЗ». Не жизнь, а малина. Снова о Викторе Суровцеве. Последний день котлована. Рисунок Яр-Кравченко. Знакомство с сибиряком. Промая автора. Здравствуй, земляк!

Это было в тот день, когда я, сам того не подозревая, познакомился со своим земляком Николаем Смелко.

Я встал рано, потому что за мною должен был заехать Виктор Бабин на своем огромном «МАЗе» и мне не хотелось, чтобы он застал меня неготовым. За окнами нашего вагона, в котором жили журналисты и писатели, приехавшие на перекрытие Енисея, сверкал, как рассыпанные алмазы, снег. Он выпал ночью, украсил тайгу, а дома Дивногорска сделал похожими на сказочные терема в белых шапках.

Ждать мне пришлось недолго. Буквально через несколько минут после того, как я оделся, выпил стакан горячего, душистого чая, раздался голос проводницы Маши:

— Вадим, на выход!

Я побежал по вагону. В тамбуре, похлопывая себя руками, стоял озябший Виктор.

— Морозно,— сказал он.— Ну что, поехали?

— Поехали.

Не успел я шагнуть вперед, как меня остановил голос Михаила Д., корреспондента одной из центральных газет:

— Послушай, может быть, ты объяснишь, в конце концов, откуда у тебя

персональный «МАЗ»?

Это он у меня спрашивал каждый раз, когда за мной заезжали на грузовых машинах. Ему было невдомек, что «персональный «МАЗ» — дело рук друзей Малины. Все корреспонденты и писатели, прибывшие на перекрытие, ездили» на котлован (от Дивногорска до котлована несколько километров) на микроавтобусах «правдинцев» или в машинах руководителей стройки. А я в этом совсем не нуждался. По всем объектам меня возили, когда была необходимость, друзья Виктора Суровцева, шоферы стройки. Они свято выполняли наказ Малины: «Вадима вы встретите по-нашему, так, как будто он — это я. И покажите ему все».

Я могу засвидетельствовать публично: дивногорские друзья Виктора показали мне все. Они не жалели сил и энергии, чтобы «просветить» меня. В Дивногорске я убедился в том, что некий парень из Братска, прозванный Малиной,— человек авторитетный. Его товарищи оказались и моими товарищами. И вот почему я не раз мысленно благодарил Виктора Суровцева, который устроил для меня в Дивногорске буквально «не жизнь, а малину». Впрочем, не только мне...

Однажды он создал «не жизнь, а малину» для целой бригады. Это произошло несколько лет назад на Волжской ГЭС, где работал и Водянов.

У них там, на Волжской ГЭС, была отличнейшая бригада. Все бывшие солдаты, передовики. И жили они единой семьей, в полном смысле коммунальной. Ребята работали на дальнем объекте, далеко от столовой. И вот случалось так, что придут они после смены кушать, а в столовой — хоть шаром покати, все съедено. Опаздывали наши герои на ужин, а питаться всухомятку — дело и хлопотное, и невеселое. Вот почему однажды бригада назначила Суровцева «начпродом».

Новоявленный «начальник продовольствия» горячо взялся за дело. В-первых, он познакомился с молоденькими официантками столовой, с поварами и даже с руководителем ОРСа, фамилия которого была Малинин. Кстати, с Малининым Виктор завязал «теплые отношения»

несколько необычным образом. Пришел однажды к начальнику ОРСа, хлопнул кулаком по столу и сказал: «Передовикам жрать нечего. Когда это кончится?»

Малинин еле успокоил разгневанного парня, вышел вместе с ним из кабинета и одно повторял: «Ты, брат, не ерепенься. Все уладим, брат». Это слышал один из поваров столовой, но сути дела он не понял. Ему втемяшилось в голову одно слово — брат. И повар, не лишенный фантазии, а также чувства мелкого подхалимажа, вообразил, что Виктор — настоящий брат начальника, намотал это на ус.

С тех пор дела пошли на лад. Бригада могла обедать хоть глубокой ночью, причем повар старался от души, кормил всех, как самого Малинина, которому передавал каждый раз через «брата» горячие приветы. Строители умирали со смеху, глядя на повара, которого они окончательно сбили с толку, называя Суровцева Малининым (отсюда и прозвище—Малина).

Эту историю я узнал вчера от ребят, когда был у них в общежитии и вместе с ними думал о том, какое имя выбрать сыну младшего Омшина. И я пообещал Мише Д. вечером объяснить «в конце концов» откуда у меня «персональный «МАЗ»...

Мы с Бабиным вышли из вагона. На дороге стояла груженная пенобетоном машина с серебристым медведем на радиаторе.

— Значит, так, — сказал Виктор. — Подброшу я тебя до котлована. Походи там в последний раз. Завтра его зальют. А в обед я заеду и привезу тебя назад.

И вот я в котловане, в котором необычно пусто и даже как-то торжественно. Огромная ямина, которую люди рыли многие месяцы, была почти готова к тому, чтобы стать дном Енисея. Еще несколько дней назад в котловане былолюдно. Здесь горели костры, урчали мощные бульдозеры, сновали машины. Короче, кипела жизнь. А сейчас...

Я прошел медленным торжественным шагом по котловану и поднялся наверх, к вершине водосливной плотины, где шла работа. Здесь я увидел

парней, которые легко подымали на плечах огромные тяжелые доски опалубки, быстро укладывали бетон...

Я невольно залюбовался ими. Их словно нарочно кто выбрал для этой работы. Сказано, сибиряки, кряжистые, могучие, как кедры! У нас на юге таких людей не увидишь. На юге люди худошавые и скорее ловкие, чем сильные.

Так я думал, глядя на бригаду богатырей, которыми командовал ясноглазый рослый человек в ватнике.

Неподалеку от него стоял знакомый мне художник с листом ватмана и, щуря глаза, вдохновенно рисовал. Пальцы у него совсем замерзли, но он не сдавался, отогревал их дыханием и снова брался за карандаш. Это был известный художник Яр-Кравченко, член выездной редакции газеты «Правда».

Я подошел ближе, глянул через плечо художника и увидел на бумаге почти законченный портрет парня, на которого я перед этим обратил внимание.

— Получается?— спросил меня Як-Кравченко и тут же ответил сам себе: «Получается! Такого и рисовать приятно».

Я согласился с ним, заметив при этом:

— Сказано, сибиряк! Я вот как раз перед этим размышлял, что у нас на юге и люди будто хилее.

— Чепуха!— сказал художник и вдруг наклонился ко мне и быстро-быстро заговорил:

— А знаешь, он ведь и поэт. Стихи ребятам читал. Такие.

Нас плотина сплотила.
И от жара сердец
Вспыхнет солнечной силой
Красноярская ГЭС.

Конечно, по форме не очень, но суть, суть выражена!

— Это не его стихи,— сказал я.— Это, по-моему, Белкина стихи. Знаете, есть тут каменщик-поэт.

— Знаю, его «открыл» Безыменский. Говорит, Белкин — парень талантливый. Полевому сказал, бери его стихи для «Юности». Я рекомендую. И Полевой взял...

Я протянул руку к рисунку, спросил:

— А этого как фамилия?

— Не знаешь? — удивился художник. Смелко! Николай Смелко. Он свою фамилию оправдывает. Смотри, как ходит по краю плотины, не качнувшись. Бесстрашный, черт!

И действительно, Смелко ходил по краю пропасти — вниз глянешь, голова кружится,— так, словно перед ним не узкая тропка, а бульвар, широкий и безопасный. И ведь с грузом человек. |

Я вытащил блокнот и записал для памяти: «Николай Смелко — гидростроитель, чья фамилия выражает сущность человека. Одним словом, сибиряк!»

Такова была моя первая встреча с Николаем Смелко. И я о ней, быть может, забыл бы, если бы не одно обстоятельство...

Когда я вернулся в родной Ставрополь, на краевом радио меня попросили выступить. Я подготовил текст выступления, который понравился старейшему радиожурналисту Ставрополя Ивану Ивановичу Рокотяну.

Он сказал:

— Добро! Все хорошо, но знаешь, надо бы рассказать и о наших земляках. Сколько их там работает!

— Это верно,— отвечал я,— но, к сожалению, ни с кем из них не виделся, не говорил. Правда, начальник строительства Андрей Ефимович Бочкин — наш, ставропольский. Строил у нас в свое время...

Иван Иванович прервал меня: — Это всем известно. А кроме Бочкина кого встречал?

— ?!

Мне было очень неловко, но пришлось сказать после мучительного раздумья:

— Никого, Иван Иванович!

— А Смелко видел?

Смелко, Смелко... Знакомая фамилия! Начал рыться в своей памяти, а Рокотян между тем сходил куда-то и вернулся с подшивкой «Правды». С газетной полосы на меня смотрел Коля Смелко. «Правда» публиковала тот рисунок Яр-Кравченко, который рождался на моих

глазах.

Вот тебе «одним словом, сибиряк»! Да он наш, ставропольский сибиряк! Уроженец села Ладовская Балка, а я это, к своему стыду, не узнал в свое время.

Я был убежден, Коля Смелко — «сибирский человек» и даже не спросил, откуда он родом; А так при разговоре с ним узнал будто бы все: что он мой ровесник, что он на стройке ГЭС с 1959 года, что он закончил техникум...

Николай говорил со мною скупно, с неохотой (ему в те дни надоели десятки и десятки корреспондентов, писателей, бравших его буквально штурмом). Но ведь скажи я ему: «Земляк, привет тебе от наших бескрайних ставропольских степей. Ты помнишь их запахи, их краски?» — и растаял бы человек. Ведь это огромная радость ему — привет из родимых мест...

Я утешаю себя тем, что настанет время, встречу с Колей Смелко и первые слова мои будут такие:

«Здравствуй, земляк! Поклон тебе от всех за труд, за то, что ты в дальней стороне не роняешь чести родного края...»

ПОИСКИ ГЕРОЯ НАЧАЛО

Отчего злился Енисей. Человек над рекой. Последняя глыба Леонида Назимко. Кто совершил прыжок?

...В общем-то это был совершенно незначительный эпизод в день перекрытия Енисея. Он произошел в шестом часу по местному красноярскому времени, а продолжался не более двух секунд. И он прошел почти незамеченным...

В тот момент внимание тысяч людей было направлено на огромные самосвалы. Двадцатипятитонных самосвалов около прорана было несколько. И каждый из них, урча и заволакивая сизым дымом, нес на железной спине-платформе — грязно-желтый обломок скалы. А для того, чтобы соединить, наконец, два берега Енисея достаточно было и одной глыбы.

Проран стал узким. Сквозь него рвался взбешенный Енисей. Потемневшая, словно от ярости, вода шевелила

многотонную громаду образовавшейся за шесть часов насыпи и пенилась. Но ее силы были на исходе. Это знали ликовавшие люди и с нетерпением ожидали исторического момента: соединения двух совсем близких енисейских берегов. Все хотели знать, кто из шоферов завершит перекрытие могучей реки, с какой машины упадет в воду последняя глыба.

Но прежде, чем случилось это, ожидаемое, грандиозное, произошло иное. Великолепно слаженный и четкий мозг Красноярской стройки — штаб перекрытия во главе с лобастым инженером Бочкиным — учел все, каждую мелочь. А вот прыжок через Енисей не был рассчитан штабом... И право же, прыжок был великолепный! Первым его оценил какой-то всеглазастый корреспондент. Он закричал, стараясь перекрыть рев машины знаменитого Леонида Назимко и гул рвущейся через проран воды:

— Человек перепрыгнул Енисей!

Перед этим никто не заметил, как человек, молодой и сильный парень, выбрался из толпы, легко и пружинисто побежал по насыпи и...

Его тело долю секунды висело над седым и кипящим Енисеем. Этого не схватил ни один из сотен фотоаппаратов, регистрировавших каждое мгновение перекрытия. Ведь такого поступка никто не ожидал. Но факт остается фактом. На левом берегу Енисея нашелся гидростроитель, который перепрыгнул на правый берег и быстро исчез в толпе зрителей.

Кое-кто из людей начал спрашивать друг друга:

— Что там произошло?

— Говорят, человек перепрыгнул через Енисей.

— Неужели? Здорово! А где же он?

— Не знаем...

А перекрытие между тем шло своим чередом. Леонид Назимко, сбросив последнюю глыбу, соединил два берега Енисея. И по насыпи побежали люди. Они обнимались, целовались и поздравляли друг друга с великой победой. У многих на глазах стояли слезы.

А про отчаюгу все, кроме некоторых газетчиков, забыли. Лишь они, газетчики,

попытались разыскать человека, перепрыгнувшего через Енисей, но — увы!

Сенсация, как говорится, уплыла из рук прямо на глазах. Тот, кто первый перепрыгнул величайшую реку СССР, был, очевидно, скромным. А может, он побоялся, что его будут ругать за бесшабашный поступок. Неизвестно!

Но кто же он?

ПОИСКИ ГЕРОЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Мысли о мыслях. Вопрос всех вопросов. В общезитии. Сияющий герой. Моя неудача. Лешка с «КРАЗа». Снова ошибка. Монтажники в улицы Лесной. Я подвожу итоги.

Людам в голову часто приходят удивительные мысли. Приходят и некоторые из них уходят. Разве это не так? Оттого миллионы великолепных человеческих мыслей где-то странствуют в безбрежном мире и никому неизвестны. И все потому, что люди в свое время не постарались запомнить их.

Право, мне всегда жаль эти ушедшие от нас миллионы. Люди так расточительны! Они расточительны, наверное, от богатства.

Сожаление о напрасно потерянных человеческих мыслях пришло ко мне после того, как могучий Енисей был блистательно перекрыт ровно за шесть часов. Дерзкие люди схватились в единоборстве с рекой и усмирили ее. И множество свидетелей стояли по берегам Енисея и у мозга стройки, именуемого так буднично и прозаично штаб перекрытия. Они ликовали, и многоголосое «ура» не раз перекатывалось по дивным горам, и гремели бронзовые оркестры...

Но одно осталось безвозвратно утерянным — многие мысли людей, покоровших гигантскую реку. Я глубоко убежден, что среди этих мыслей, ушедших в прозрачные дали, было много великих мыслей и образов, рожденных великим: событием, каким явилось для мира перекрытие Енисея.

Можно долго пребывать в тихой и

напряженной задумчивости и ничего не родить. Но вот грянула буря, вихрь событий понес нас в свой круговорот: и тут — и боль, и радость, и смятение, и встречи. Они отличнейшие повивальные бабки неповторимых мыслей.

И вот я бросился вдогонку за теми, кто устал, перекрывая Енисей, кто возвращался с перемышки с сознанием выполненного долга и подставлял ветру крепкие груди и бронзовые лица.

— Что вы думали именно в тот момент, когда Назимко сбросил в проран последнюю глыбу?

— Не помню! Просто радовался... Я шел и спрашивал. И слышал:

— Не помню... Радовался, как все!

Некоторые пожимали плечами и молча уходили. Но были те, которые начинали думать и тонули в ворохе впечатлений и смущенно улыбались, разводили озябшими руками.

А великое желтое солнце, которое, очевидно, нарочно разогнало в день перекрытия Енисея все до единой тучки и одно плавало с утра до вечера в голубом небе, теперь медленно, словно нехотя, спускалось за горизонт. Становилось холоднее и холоднее. Вообще 25 марта 1963 года в Дивногорске был превосходный, очень солнечный день, но все равно мороз чувствовался. Особенно в тени, под скалами и на ветру. А к вечеру температура стала падать. Люди спешили к автобусам, к машинам, которых было великое множество. И вполне понятно. На перекрытие приехали тысячи людей из самых различных мест.

Сейчас они шли оживленные, полные впечатлений и тоже, как я, «штурмовали гидростроителей сериями вопросов. Таким образом, я был я одинок, но одиноким был мой навязчивый вопрос: «Что вы думали именно в тот момент, когда Назимко сбросил в проран последнюю глыбу?»

Люди забыли о том, что они тогда думали. Они просто радовались и можно ли их за это осуждать? Радость переполнила их души, она вытеснила все, и одна, словно сегодняшнее солнце в небе, торжествовала в людях, каждый из которых более велик и

неизмерим, чем небо. И попробуй найти в этих нескончаемых просторах, залитых наводнением радости, несколько забытых мыслей, которые подобны кораблям. Их, перед тем как покинуть, следует отводить в гавань, именуемую Памятью...

И тут явилась спасительная «соломинка» — парень, перепрыгнувший, через проран! Вот кого нужно найти, вот с кем будет интересно подговорить, узнать, что он думал и думает.

Я в тот же вечер отправился к Водянову, в общежитие. Он и другие мои знакомые гидростроители, друзья Малины, обязательно помогут мне в моих поисках. Я в это крепко верил, и нетерпение просто сжигало меня.

Но вот и знакомый мне деревянный двухэтажный дом по улице Центральной.

Постучал. Ответа не было: утомившийся за трудный день Володя Водянов был один и крепко спал. Я разбудил его. Он был в спортивных шароварах, в майке, а лицо загорелое: сегодня «солнце «работало» по-весеннему.

— Так-так, — сказал он буднично и просто, — еще одну реку перекрыли.

Он усмехнулся, глянув на меня. Я, очевидно, выглядел взбудораженным.

— Мы-то привыкли к таким событиям, — продолжал Водянов, — а первый раз тоже не могли отдышаться, здорово ведь это — маленький человек и вдруг скрутил рога большой реке!

— А ты когда-либо видел такое, как сегодня? Как человек прыгал через реку?

— Нет, не видел. Но ребята говорили мне, что нашелся такой чудак...

Я огорчился, возразил:

— Не чудак, дружище, а герой. Представляешь, как символично получилось!

— Может, это и так...

— А ты его знаешь? Водянов пожал плечами.

— У ребят надо спрашивать. Кто-либо да знает, если это наш строитель. Скоро все соберутся у нас. Подожди.

Ждать долго не пришлось. Пришли братья Омшины, Виктор Бабин и другие незнакомые ребята. У меня всем один вопрос:

— Кто прыгал?
— А зачем тебе нужно?
— Не мне нужно, истории нужно,—
отвечал я и услышал:
— А не Петро ли прыгал?
— Какой Петро?
— Да есть тут один шкодун, вроде
Малины. Он может.

Выяснилось, почему он «может». Он вообще озорной парень и еще при поступлении на работу сказал в отделе кадров: «Зачем приехал на стройку? А Енисей охота перепрыгнуть...»

Значит, это его давняя мечта, и нечего удивляться, что он ее осуществил. Есть люди очень настойчивые в достижении своей мечты. Им, как говорится, что в голову втемяшится, то не выбьешь колом. Именно таков Петро, к которому я отправился «брать интервью».

Он сразу произвел на меня впечатление. Рослый, ну настоящий Геркулес, и с озорным блеском в глазах. К сожалению, нам пришлось его разбудить. Он так крепко спал! Но его бесцеремонно разбудили, и он, сев на кровать, тут же спросил:

— А что, выпить есть?

Выпить не было, была целая куча моих вопросов, на которые он отвечал обстоятельно и неторопливо.

Его профессия — шофер. В армии тоже крутил баранку. Но это было давно. Здесь, на стройке, третий год. А сам он из Брянска. Есть там такая деревушка... Сазоновка или Салоновка, точно не помню. Но это, очевидно, не так важно. Меня никогда не интересовали очень уж скрупулезные фактические точности, ибо они порой бывают подобны деревьям, за которыми перестаешь видеть лес.

Итак, Петр — уроженец неприметной деревушки, а нынче сибиряк. Сибирь устраивает его во всех отношениях. Во-первых, какая тут охота, ох, какая превосходная охота! И, во-вторых, платят «хорошие гроши за хорошую работу». Короче, жить можно. Правда, у него бывают небольшие трения на работе из-за охотничьей страсти, но тут уж он тверд до упрямства. Подошла охотничья пора, захватил душу азарт, берет Петр ружьецо и

в тайгу, на несколько дней, а потом отрабатывает эти, так сказать, «прогулы» в воскресные дни или во вторую смену...

И оттого он считается очень неорганизованным человеком, которого непосредственно на штурм Енисея не поставили. Мол, не заслужил он большой чести. И будь ты, Петя, в резерве.

В резерве Петя и был, но в, конце не выдержал и... сбежал. Почему, зачем?

Вот как он сам об этом рассказал:

«...Я был в резерве. Нагрузили машины и законно сидим, ждем сигнала. Час сидим, два... Перекрывают без всяких ЧП. В общем, бездельничали. Так одиноко всем, а начальство от машин и на шаг не отпускает. Просто привязали нас, покушать сходить и то нельзя. Я чуть не умер, душа кипит! Но спасибо напарнику, пришел мой напарник, Витек, добрый он человек. Я это знаю и потому к нему подсыпался. Витя, друг, подежурь вместо меня, а я гляну на перекрытие хоть краем глаза. А он — чего глядеть. Сыпят и сыпят в реку эти... тетраэдры. Скоро конец, скрутят на радость всем Енисеище. Я еще пуще взмолился. А что, всерьез? Я не такой уж беспутный, чтобы дисциплины не знать. Перекрытие — дело серьезное. И прыгать — только ритм нарушать. А потом, если промашку дашь? Но напарник поймал меня на слове. Прыгнешь через Енисей, побуду вместо тебя, Петя. Или слабо?»

Разозлился, азарт меня охватил. Ну, думаю, шутки в сторону, ладно, прыгну, Витя. Мне такая мыслишка в голове давно тукала. Прыгну, Витя, а ты, значит, сиди вместо меня. А не прыгну, с меня, Витя, две банки чистой, как слеза. Идет? Идет.

Прибежал к прорану, а он узенький, такой узенький стал, что и прыгать нечего. Но я слово дал. Стал пробираться поближе к месту действия, а в голове мысль: «Прыгну, но намылят мне шею. Как пить дать, намылят...»

Он замолк.

Я в нетерпении:

— Ну, и дальше?

Он грустно:

— Дальше не пустили. Попал я в руки охраны порядка, удержали меня, а между тем другой парень и сиганул,

значит.

После этих слов я развел руками. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Иногда бывает так в жизни: ты очень близок к цели. И вот она, твоя жар-птица, протяни только руку, но взмахивает крыльями удивительная птица и улетает, легко и свободно, и снова она недосягаема и снова ищи-свищи ее.

На моем лице, наверное, было много разочарования. Это заметил Петр и сказал:

— Я, пожалуй, знаю того парня.

— Знаешь? Миленький, родной...

— Ладно, ладно. Он на «КРАЗе» работает. Длинный такой парняга. И спортсмен. Лешкой, кажется, звать...

— А где он живет?

— В старом общежитии...

Узнав это, я не стал терять времени, распрощался с Петром-охотником и пошел в старое общежитие, где живет желанный мне смельчак. Мне положительно везло. У самых дверей общежития столкнулся с Виктором Бабиным. Виктор тоже шофер, он меня возил по стройке на своем «МАЗе».

Я — к Виктору.

— Ты знаешь шофера Лешку? Он на «КРАЗе» работает?

— Знаю, а что?

Я сказал, что этот человек перепрыгнул Енисей. Через остаток прорана. Вот смельчак!

Бабин рассмеялся и огорошил меня сообщением, что Лешка не прыгал, а прыгал другой парень.

— Это точно?

— Да как тебе сказать... Но лучше пойдем к нему и все разузнаем. Он тут недалеко живет на Лесной улице.

И вот передо мной паренек, почти мальчик. Он застенчив и легко краснеет, словно девица. А владеет он профессией мужественных людей. Он монтажник-высотник. Его звать Володя. Володя закончил 10 классов, в прошлом году, в Новосибирске. И сразу после школы приехал в Дивногорск. Это была его давняя мечта. Получил здесь специальность. Зарабатывает неплохо. Две сотни ежемесячно. Живет в Шумихе. А недавно к нему приехала мама с маленьким бра-

тишкой. Так что живут они теперь втроем. Им тут нравится все: и могучая река, и горы, и климат, и даже то, что рядом тайга,

Володя сказал, что в этом году ему надо в армию. Когда кончится срок службы, вернется в родной Дивногорск. «И женюсь тут»,— сказал паренек. У него уже есть невеста. «...Лидочка. Такая милая девчонка!»

Я все разузнал у этого скромного юноши и задал ему самый волнующий меня вопрос:

— Расскажи про свой прыжок?

Он мне:

— Какой прыжок? Через Енисей? Через Енисей я не прыгал. Я с парашютом прыгал.

Три раза. Еще в школе...

Он не прыгал. А кто же тогда прыгал? Я был окончательно разочарован, но Виктор, который, наверное, как-то чувствовал себя виноватым в моих неудачных поисках неведомого героя, стал меня заверять, что он поможет. Он пройдет по общежитиям и найдет прыгуна. Не сегодня, так завтра, но найдет...

На том мы и порешили. Я вернулся в вагон, где жили все журналисты, писатели, приехавшие в Дивногорск. Заснул я с мыслью, что нет худа без добра. И неважно, что я не нашел смельчака. Ведь я познакомился с очень хорошими ребятами!

А утром следующего дня ко мне примчался радостный Виктор, сказал, что нашел и что этого парня сейчас рисуют в клубе. Художник из Красноярска рисует. Это известие обрадовало меня. Наконец-то нашелся тот, кого я искал! Мы с Виктором побежали в клуб, но опоздали. Этот паренек уже ушел, а художник сворачивал тугие листы ватмана и мурлыкал себе под нос песенку.

Я — к нему:

— Вы рисовали человека... Того, который совершил прыжок через Енисей?

Художник ответил, что да, рисовал. Я обрадовался и как на духу все ему выложил: о своих неудачных поисках, о том, что хочу поговорить с парнем, которого он рисовал.

Художник выслушал меня внимательно.

— Молодой человек, я должен огорчить вас. Я рисовал не того, кого вы ищете. Впрочем, может быть, это был и он. Я не знаю. Меня не интересовала такая безделица, но интересовало большее. Тоже прыжок, но не прыжок одного смелого парня, а прыжок тысяч людей. Понимаете, я уже давно работаю над картиной, которая будет называться «Прыжок через Енисей». В ней мне хотелось бы показать все самое существенное, самое главное — мужество, героизм гидростроителей, обуздавших непокорный Енисей.

Художник аккуратно и не спеша развернул свой рисунок... А я стоял рядом разочарованный и в то же время начавший понимать то, что я давно нашел героев с Енисейских берегов. Я давно знаю их, но все время проходил мимо. И все оттого, что они обычны, скромны, но и в этом их сила, их особенность и странность. Разве это не так?

Я, словно очарованный, искал то, что было в моих руках, перед моими глазами. Сколько дней я был рядом с Володией Водяновым, с братьями Омшиными, с Виктором Бабиным и еще с десятками других парней, с которыми встретился в Дивногорске. Я с ними говорил, смеялся с ними, сжимал их крепкие руки... В моей голове медленно рождалась мысль о том, что все необычное в обычном. Эту мысль, словно корабль, наполненный драгоценностями, я осторожно привел в одну из гаваней своей Памяти...

ПОИСКИ ГЕРОЯ ОКОНЧАНИЕ

Ширина Енисея. Немного истории. Дивногорск — юный город. Вопросы и ответы. Герои в каждом доме.

Велик седой Енисей. Его быстрые воды бегут через горы и долины к огромному Ледовитому морю. Там, где он сейчас перегорожен мощной плотиной, ширина его километр.

А в низовьях у студеного океана Енисей в пятьдесят раз шире. Это гордая и суровая река. Ее перелетали только птицы,

а потом легкокрылые самолеты и стрекозообразные вертолеты. Но никогда ни один человек не мог перепрыгнуть ее.

Но однажды прыжок был. Он совершился на глазах тысяч людей. А произошло это в шестом часу по местному времени 25 марта 1963 года. Через Енисей перепрыгнул неизвестный смельчак, молодой парень-гидростроитель. Я не нашел его. Но он живет в самом юном городе Сибири—в Дивногорске. Невелик этот город,— может, в нем нет и сотни домов. А если зайти в каждый из них и спросить:

— Не живет ли здесь человек, который совершил прыжок через Енисей?

Вам ответят:

— Зайдите в соседний дом. Там живет молодой гидростроитель. Наверное, это был он.

И так вы, очевидно, пройдете весь город на Дивных горах и уйдете с пустыми руками. Везде вам будут говорить:

— Зайдите в соседний дом...

Строители Красноярской ГЭС — люди героические, но скромные, слишком скромные. Не верьте им, что тот, кто совершил прыжок через Енисей живет в соседнем доме. Это никому ненужно. И вам тоже, если вы поймете, что необычное всегда в обычном. Герой — каждый, с кем вы заговорите в Дивногорске.

Не один, а тысячи людей совершали прыжок через Енисей. И это произошло на глазах у всего мира...

Март—ноябрь 1963 г.

Дивногорск—Москва—Ставрополь.